

ОТДѢЛЪ II.

I. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Кузьма Семерцянинъ.

Собралися на поле Байканово триста богатырей,

Они думали думу крѣпкую,

Крѣпкую думу, заединую:

„Кабы было кольцо кругомъ всей земли,

5. Кругомъ всей земли, кругомъ всей Орды,
Мы бы всю землю святорусскую внизъ повернули,
Самого бы царя во полонъ взяли.

Кабы была на небо лѣстница,

Мы бы выстали на небо,

10. Всю небесную силу присѣкли,
Самого бы Христа во полонъ взяли“.
Услышалъ Христосъ рѣчь похвальную,
Похвальную, супротивную,

Спустилъ съ небесъ поляницу удалую.

15. Прибила поляница всѣхъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Оставила только три русскаго могучаго богатыря:

Перваго богатыря Добрынюшку

Другаго Олешеньку,

Третьяго Илью Муромца.

20. Они со той со страсти, со ужаси
Уѣзжали на поле Байканово
И разставили шатры бѣлополотняные;
Они спали три дня и три ночи,
Не пиваючи и не ѣдаючи.

25. Добрынюшкѣ въ шатерышкѣ не заспалось;
Выходить Добрынюшка на улицу,
Поглянулъ во всѣ четыре стороны;
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
Что не туча идетъ передъ дождикомъ,

30. Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
Идетъ удалый добрый молодецъ—
Подъ имъ былъ конь, какъ лютый звѣрь,
Самъ на конѣ сидитъ, какъ *уланъ* въ добрѣ,
Очи его, какъ у яснаго сокола,

35. И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.

- И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,
Самъ говоритъ таково слово.
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ
40. Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“
Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдлалъ, уздалъ своего добра коня,
45. Поскорѣ того на коня скакалъ,
Настигъ его у рѣки Смородинки,—
Загаркалъ-то онъ по-звѣриному,
Засвисталъ-то онъ по-соловьиному,
Подъ нимъ конь не шарахится,
И самъ на конѣ не огланется.
50. Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркалъ-то онъ по-звѣриному
И засвисталъ-то онъ по-соловьиному.—
Подъ Добрыней конь на колѣнки палъ;
Тутъ Добрыня и поворотъ держалъ
55. Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.
На ту пору выходить Илья Муромецъ на улицу
И самъ говоритъ таково слово:
„Далеко ли ты ѣздилъ Добрыня, куда путь держалъ?“
—Ужъ ты ахъ же ты, дядюшка, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
60. Миѣ ночесъ въ шатерушку не спалось,
Выходилъ я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре стороны,
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
И не туча идетъ передъ дождичкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
65. И идетъ удалый добрый молодецъ:
Подъ нимъ былъ конь, какъ лютый звѣрь,
И самъ сидитъ на конѣ, какъ *уланъ* въ добрѣ,
И очи его, какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
70. У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются,
Изъ рта у него полымья машетъ,
И идетъ мимо евши бѣлы шатры
И самъ говоритъ таково слово:
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ
75. Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“
Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Я и скоро сѣдлалъ, уздалъ добра коня,
80. Поскорѣ того на коня скакалъ
И настигъ я его у рѣчки у Смородинки—
И загаркалъ-то я по-звѣриному,
И засвисталъ-то я по-соловьиному—
Подъ имъ конь не шарахится,
85. И самъ онъ на конѣ не огланется.
А оглянулся удалый добрый молодецъ,

- Загаркаль-то онъ по-звѣриному,
И засвисталь-то онъ по-соловьиному—
Подо мною конь на колѣнки палъ,
90. Я на конѣ чуть живъ сидѣлъ.—
Ильѣ Муромцу тутъ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдалъ, уздалъ своего добра коня,
95. О двѣнадцати подпружинкахъ подпруживалъ,
А тринадцатый клалъ подъ широку грудь,
А четырнадцатый клалъ нахвостничекъ.
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,
Береть онъ копынце булатное,
100. Вострый ножъ беретъ со чинжалищемъ.
Только видѣли молодца на конѣ сядучи
И не видѣли его побѣдучи;
Конь озера и рѣки нерескакивалъ,
Темные лѣса между ногъ пускалъ,
105. И настигъ его на полѣ Байкановѣ.
И прѣвзжаетъ Ильѣ Муромецъ ближе того,
И загаркаль-то онъ по-звѣриному,
И засвисталь-то онъ по-соловьиному—
Подъ нимъ конь не шарашится
110. И самъ на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркаль онъ по-звѣриному,
Засвисталь то онъ по-соловьиному—
Подъ Ильей конь на колѣнки палъ.
115. И бьетъ Ильѣ Муромецъ своего добра коня по тучнымъ бедрамъ
„Ужъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Видно чуешь надо мной невзгодушку!“
Конь и скочилъ, и близко подѣвзжаетъ къ богатырю,
И ударилъ онъ палицей желѣзною по главѣ—
120. У его старика колпаки не страхнулись,
Желты кудри на главѣ не сполстилися.
Самъ говорятъ таково слово:
„Есть на Святой Руси комарики,
Больно комарики кусаются!“
125. И завели они биться палицами желѣзными,
У ихъ палицы приломалися;
И завели они въ копынца булатныя,—
У ихъ копыя приломалися;
И завели они биться въ рукопашный бой—
130. И перебилъ Ильѣ Муромца и поверхъ (такъ!) его.
Ильѣ Муромцу смерть была не писана,
Свернулся—и наверхъ его.
И выдергиваетъ Ильѣ Муромецъ ножъ съ чинжищемъ,
И сдмаетъ ножъ выше головы:
135. „Скажись молодецъ, не утай меня,
Не утай меня и не съѣшь себя:
Которой земли и которой Орды,

- Котораго отца, которой матери?"
—Ужъ ты, старая собака, воръ сѣдатый волежъ!
140. Кабы былъ на твоихъ грудяхъ черныхъ,
Поролъ бы твои груди черныя,
Рѣчистый языкъ бралъ бы съ тимянемъ,
Отсѣкъ бы твою буйную голову,
Кабы на тебѣ сидѣлъ,—бросалъ бы о сыру землю!—
(Вопросъ и отвѣтъ повторяются трижды)

145. Не могъ я отъ тебя отперетися,
Отпереться и отказатися —
Есть я Кузьма Семерцяниновъ, богатырь.—
Онъ и скоро скакалъ со бѣлыхъ грудей,
И бралъ его за ручки за бѣлыя,
150. И цѣловалъ въ уста сахарныя,
Называлъ любезнымъ племянникомъ.
Тутъ они съ племянникомъ погостилися,
Тутъ они и распростилися—
Одинъ въ сторону поѣхалъ, другой въ другую.
155. Илья Муромецъ и разставилъ шатеръ бѣлополотняный
И зауснулъ онъ богатырскимъ сномъ;
И разгорѣлося у племянника сердце богатырское,
Пріѣзжаетъ онъ ко бѣлу шатру
И тюкнулъ Илью Муромца ножомъ въ груди бѣлыя.
160. Илью Муромцу смерть была не писана,
На груди у его угодился крестъ.
Онъ скоро скакалъ съ богатырска сна
И бралъ племянника за ручки за бѣлыя,
И бросалъ племянника о сыру землю.
165. Выкопалъ у племянника глаза и посадилъ на добра коня:
„Повози, добра лошадь, куда знаешь его“.

Сойда Вытегорскаго уѣзда. Записалъ отъ крестьянина Дементія
Тимофеева учитель *К. Н. Маклюновъ*.

II. Добрыня Никитичъ ¹⁾.

- Ходилъ, гулялъ Добрынюшка по городу,
Ходилъ, гулялъ Никитичъ по Кіеву,
Добрынюшкѣ-то матушка наказывала:
„Не ходи ты во улочку возвратную,
5. „Во тѣ ли переулочки Маринкины:
„Тамъ живетъ курва Маринушка Игнатьевна,
„Она зеленщица да и отравщица;
„Она много, много отравила добрыхъ молодецъ,
„Она сильныхъ могучихъ богатырей“.
10. Ходилъ Добрынюшка по городу по Кіеву
И зашелъ во улочку возвратную,
Во тѣ ли переулочки Маринкины.
Тамъ увидѣла Маринушка Игнатьевна,
Выпущала голубка со голубкою.
15. Тутъ увидѣлъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Свой тугой онъ лукъ натягиваетъ,
Калену-то стрѣлочку накладываетъ,
Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:
„Ты убей да голубка да со голубкою“.
20. Да не убилъ голубка да со голубкою,
Убило у Маринушки околенику,
Да убило у Маринки дружка милаго,
Дружка милаго—Идолица поганого,
Поганого да некрещенаго.
25. Еще тутъ молодецъ да пораздумался:
Не есть слава да молодецкая,
Да не выслуга да богатырская,—
Да не пропасть-то моей каленой стрѣлѣ
Да у той ли у Маринки Игнатьевны.
30. Заходить Добрыня во высокъ теремъ,
Крестъ онъ кладетъ да по писаному,
Да поклоны-то кладетъ да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется.
Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
35. Да Добрыни-то Маринка низко кланялась,
А Добрынюшка Маринушкѣ челомъ не бьетъ.
Бралъ то Добрынюшка калену стрѣлу,
Пошелъ-то Добрыня вонъ изъ терема.
Еще въ ту пору Марины за бѣду пришло,

¹⁾ Былина эта очень близка къ записанной А. О. Гильфердингомъ въ д. Полинской на Мошѣ отъ П. С. Малыгина („Сборникъ Отд. р. аз. и слов. И. А. Н.", LXI, вып. 1, стр. 536, № 316—„Добрыня и Маринка"). Но въ предлагаемомъ спискѣ она полнѣе (159 строкъ вмѣсто 137) и цѣльнѣе по содержанию. Очевидно Савина переняла ее точнѣе, чѣмъ Малыгинъ. Кромѣ того это болѣе ранняя запись.

40. За досадушку ей за великую.
Вставала тутъ Маринушка на ноги,
Брала она два ножичка булатные,
Добрынины-то слѣдочки подрѣзывала,
Брала она въ печь на дрова на дубовыя,
45. Сама-то ко слѣдочкамъ приговаривала:
„Шайте и нойте, Добрынюшкины слѣдочки,
Чтобы нояло у Добрынюшки ретиво сердце
По мнѣ ли по Маринѣ по Игнатьевнѣ“.
Приходить да Добрыня къ родной матушкѣ.
50. Говорила тутъ Добрыня родна матушка:
„Что ходило мое дитяте—доходило,
„Что гуляло мое дитяте—догуляло?“
Вѣдь не можетъ Добрынюшка ни пить, не ѣсть
И не можетъ вѣдь Добрыня темной ночи спать.
55. И встаетъ то Добрынюшка поутру ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
Снаряжается Добрыня хорошихонько
И походить-то ко ранней ко заутренькѣ,
И выходить-то Добрынюшка на улочку.
60. Стоячись да тутъ Добрыня пораздумался:
„Да что мнѣ дѣлать у церкви у соборныя,
„У той ли у заутреньки у раннѣя?—
„Пойду лучше къ Маринѣ ко Игнатьевнѣ“.
И заходить-то Добрыня во высокъ теремъ,
65. Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклоны-те ведетъ да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется,
Добрынюшка Маринѣ низко кланяется—
Маринушка Добрынюшкѣ челомъ не бьетъ.
70. Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:
„Вчера-то какъ былъ, то не то творилъ.
„А сегодня-то ты во моихъ рукахъ,
„Во моихъ рукахъ и подъ моей грозой.
„Возмешь-ли ты, Добрыня, за себя замужъ?“
75. Говорилъ тутъ Добрынюшка Маринушкѣ:
„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
„Невѣрная да некрещеная“.
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:
„Оберну тебя жабой подземельною,
80. „Которой жабы отвороту нѣтъ.
„Ты возмешь-ли, Добрыня, за себя замужъ?“
—Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Оберну тебя, Добрынюшка, борзымъ кобелемъ,
85. Спущу я по городу по Кіеву—
Сбирать тебѣ кусочковъ подстоольныхъ.“
Ходилъ-то тамъ Добрыня ровно суточки
И приходитъ ко Маринѣ ко Игнатьевнѣ.
„Находился-ли, Добрынюшка, по городу по Кіеву

90. И наѣлся-ли кусочковъ подстольныхъ?
Возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“
— Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Оберну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,
Всячиной-то тура да изукрашу я:
95. Одна щетинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока да рыту бархату,
Рожка-то у тура да позолочены.
Я спущу тебя, Добрыня, во чисто поле,
Поѣшь-ка ты, Добрынюшка, ковыль травы
100. И попей-ка ты, Добрынюшка, водушки болотныя.
У того-ли было Князя у Владиміра,
Сдѣлался у него да почестный пиръ.
Всѣ-ли на пиру да напивались,
Да всѣ-ли на честномъ да наѣдались,
105. Да всѣ-ли на пиру да порасхвастались—
Кто вѣдь хвасталъ добрымъ конемъ,
Иной хвасталъ молодой женой.
Похвастала Маринушка Игнатьевна:
„Ужъ какъ есть у меня да во чистомъ полѣ
110. Девять туровъ да девять гнѣдыхъ,
Десято-есть туръ онъ хорошъ красивъ,
Одна шерстинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока рыту бархату,
Рожка-те у тура позолочены.
115. Вставала Катерина Никитична на ноги
И брала она Маринку рукой за воротъ,
А другой била по бѣлу лицу:
„Ужъ ты, вѣдьма, ты, Маринушка Игнатьевна,
Какъ не отвернешь ты моего братца милаго Добрынюшку Ни-
китича,
120. Оберну тебя саму жабой подземельною,
Которой жабы отвороту нѣтъ!“
И обернулася Маринушка сорокою,
И полетѣла-то Маринка во чисто поле.
Нашла она Добрынюшку во чистомъ полѣ
125. И садилася она Добрынюшкѣ на златой рожокъ,
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:
„Ты возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“
— Отверни ты всѣхъ этихъ добрыхъ молодцевъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей,
130. Я втупорь-то тогда тебя взамужъ возьму.—
Приходить тутъ Добрынюшка къ матушкѣ
И рассказываетъ Добрынюшка тутъ матушкѣ,
Что далъ заповѣдь великую, взять Маринушку Игнатьевну.
Тутъ-то они да обручались,
135. Тутъ да они да обвѣнчались.
Приходить-то Добрыня съ молодой женой:
„Слуги мои да слуги вѣрные!

- Ужъ вы дайте-ка мнѣ чару оправшую,
Чтобъ мнѣ поправиться съ Маринкой Игнатьевной.“
140. Слуги у него были сдогадливые,
Дали-то ему да саблю вострую.
Срубилъ-то Добрыня у Марины буйну голову
И клалъ да на дрова на дубовыя,
И пепелъ разсѣялъ по чисту полю.
145. Тутъ встаетъ-то Добрынюшка ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
Снаряжается Добрыня хорошехонько
И приходитъ-то Добрыня ко ранней ко заутренѣ.
Тутъ-то его встрѣчаютъ, тутъ его поздравляютъ:
150. „Здравствуй ты, Добрынюшка Никитичъ младъ,
Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,
Со своей да со княгиней сообручною,
Да со той-ли со Мариной со Игнатьевной!“
Говорилъ тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
155. — Ужъ вы, други мои да вы пріатели,
Всякой-то на семъ да свѣтѣ женится,
Да не всякому женитьба удадается.
Вчера-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,
Сегодня-то я ужъ вдовой хожу.—
-

Записано учит. *Грозовымъ* въ Мошинскомъ приходѣ, Каргопольскаго уѣзда, со словъ дѣвицы *Феклы Степановны Савиной*.
